

УДК 130.2 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения)

**ГОРОД КАК МЕСТО ВОЙНЫ:
ТОПОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВОЕННОГО ГОРОДА**

© 2021 Н.А. Балаклеец

Балаклеец Наталья Александровна, кандидат философских наук,

доцент кафедры философии и культурологии

E-mail: bnatalja@mail.ru

Самарский государственный медицинский университет

Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 04.10.2021

В настоящей статье рассматриваются трансформации городского пространства в условиях войны. Города, проектируемые в качестве оплота безопасности и порядка, на протяжении истории человечества постоянно вовлекались в боевые действия, служа заманчивой целью военных стратегов. Обосновано, что городское пространство в условиях современной войны, которая приобрела тотальный характер, не может быть свободным от военных рисков и угроз. В статье выявляются и характеризуются топологические модели военных городов: осадный город; город, подвергающийся авиабомбардировке; город, на территории которого идут боевые действия; оккупированный город.

Ключевые слова: город, война, городское пространство, топологическая модель, граница, военная урбанистика

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-80-40-50

Введение. Исследование городского пространства и происходящих с ним трансформаций является важной задачей современной теории урбанизма, социальной философии, социологии города и целого ряда социально-гуманитарных наук.

Методы исследования. Решение этой задачи требует применения не только философской методологии, но и комплексного междисциплинарного подхода. В существующих исследованиях систематизируются классические и современные теории городов, эксплицируются хронотопы города, разрабатывается концептуальный аппарат, позволяющий осмыслить специфику городского времени и пространства, предлагается описание отдельных элементов (топосов) этого пространства.

История вопроса. В ряду работ, внесших вклад в разработку наиболее значимых проблем теории урбанизма, отметим исследования А. Лефевра, М. Фуко, Э. Амина, Н. Трифта, Ш. Зукин, Е.Я. Бурлиной, Е.Г. Трубиной [1; 2; 6; 7; 14; 21; 25; 27].

Вместе с тем, следует обратить внимание на один из аспектов проблематизации феномена города, который, на наш взгляд, заслуживает более пристального внимания. Город как предмет исследования теоретиков урбанизма и социальных философов «по умолчанию» представлен в мифе мирного повседневного времени.

Пространственно-временная структура города организует целый универсум активностей его жителей, упорядочивая их и подчиняя определенным ритмам. Однако в ситуации войны повседневная хронотопология города нарушается. Происходит кардинальное преобразование пространственных практик и временных ритмов, характерных для городских жителей. Как частное, так и публичное городское пространство становится источником постоянных рисков и угроз. Названные трансформации хронотопа города в экстремальной ситуации, как и феномен городской войны в целом, являются одной из теоретических лакун современного отечественного социально-гуманитарного дискурса, требующей последовательного и вдумчивого исследовательского заполнения. Как отмечает О.Н. Яницкий, «весь теоретико-методологический аппарат современной социологии, созданный западными теоретиками, является в значительной мере прогрессистски ориентированным. То есть считается, что весь мир как следовал, так и будет следовать его линейной динамике, как полагали создатели Просвещения. <...> Отсюда чрезвычайная скудость работ, посвященных локальным, в том числе «городским войнам» и состоянию социальных сил и людей, в них вовлеченных. <...> Еще меньше работ, посвященных отдаленным последствиям не только двух мировых войн, но и

таких событий как Холокост или война во Вьетнаме» [30, с. 14].

Справедливости ради отметим, что воздействие войны на организацию городского пространства не было полностью обойдено вниманием ученых. Так, одной из актуальных исследовательских тем является изучение так называемых «мест памяти», которые служат одним из структурообразующих элементов города, кумулирующим исторические ценности и смыслы [11; 24]. Война тем самым обнаруживает не только свою деструктивную и антигуманную сущность, но и способность к генерации социально значимых смыслов и символов, которая происходит уже в послевоенном городском пространстве, хранящем память о военных событиях.

Отечественные исследования, посвященные феномену военного города, как правило, выполнены учеными-историками и сосредоточены на описании конкретных населенных пунктов (Смоленска [12], Сталинграда [19], Минска [8] и др.), которые были оккупированы или затронуты военными действиями. Вместе с тем, типологизация военных городов и выявление теоретических моделей, которые позволяли бы определить специфику существования города в условиях войны, по-прежнему остаются важными исследовательскими задачами.

Методология. В ряду теоретических работ, которые вносят вклад в рассмотрение феномена военного города, отметим исследования М. Дэвиса, С. Грэхема, Ю. Шеффрана, О.Н. Яницкого, О.Н. Тыняновой [26; 31-34; 36]. Настоящее исследование призвано в определенной степени восполнить пробел, существующий в военной урбанистике. Целью статьи является экспликация пространственных моделей военного города, которые основаны на эмпирическом материале – исторических свидетельствах, проливающих свет на трансформации городского пространства под воздействием факторов войны. Ценность для военной урбанистики представляют не только макроисторические нарративы, но и свидетельства военной микроистории, в которых отражен личный опыт горожан переживания трагических событий в условиях оккупации, авиабомбардировок или в тылу. Немаловажно также отметить, что городское пространство (в том числе, в условиях войны) не может быть сведено исключительно к физическому аспекту его существования, оно включает в себя и символическое измерение. Пространство города генерирует собственный

семиотический код, который во время войны подвергается серьезным трансформациям.

Результаты исследования. Существование города в мирное время невозможно «заковать» в строгие рамки его физических границ, в особенности, если речь идет о больших городах, центрах культурной и интеллектуальной жизни, влияние которых, по меткому выражению Г. Зиммеля, «волнообразно широко распространяется по государству и вне его» [13, с. 31]. Городское пространство не является изолированным, самостоятельным и самодовлеющим, оно включено в более обширную физическую и социальную топологию, представляя собой лишь один из элементов более крупных пространственных структур. Это теоретическое положение обнаруживает особую значимость в эпоху глобализации, когда складывается вектор развития «от города как достаточно автономного образования через город как компонент национального государства к сети городов, существенно отличающихся по включенности в мировую экономику и по «свободе» от национально-государственных ограничений» [25, с. 499]. Границы мегаполиса утрачивают однозначную территориальную локализацию, определяясь «совокупностью сосредоточенных в нем национальных и транснациональных организаций и структурой их национальных и глобальных сетей» [32, с. 7].

Кроме того, следует учитывать динамичный и хрупкий характер не только актуального социокультурного облика города, воспринимаемого его жителями и туристами «здесь и сейчас», но и в целом подвижной городской топологии, подверженной как запланированным преобразованиям, так и непредсказуемым и не всегда контролируемым изменениям. Преобразования городского пространства могут быть постепенными или радикальными, они обуславливаются целым рядом факторов – природных или социокультурных. Особую роль в ряду факторов, коренным образом преобразующих городское пространство, играет война, воздействие которой в эпоху технического прогресса сравнимо с проявлениями неподконтрольных человеку природных сил [29, с. 261].

В мирное время, несмотря на наличие строго установленных физических границ, городское пространство является открытым для взаимодействия с иными пространственными кодами и ассимиляции иных пространственных элементов. Пространство города, обладающее особыми «техниками жизни» [25, с. 48], структурированное

совокупностью публичных и частных мест, – это «по умолчанию» мирное пространство, организация которого способствует поддержанию привычного повседневного порядка и безопасности его жителей. В многочисленных работах, посвященных философии города, априори выносятся за скобки ситуации трансформации мирного городского пространства в условиях войны. Это вполне объяснимо исходя из того обстоятельства, что пространство города в принципе не проектируется для ведения боевых действий (если, конечно, архитекторы и урбанисты не создают свои проекты развития городских территорий, опираясь на концепцию «тотальной войны», подчиняющей целокупное развитие общества исключительно военным целям, или если речь не идет о создании и последующем разрушении специальных городских территорий для экспериментов с применением новых видов оружия [25, с. 120]). Как отмечает Б. Хюппауф, на протяжении длительных отрезков истории европейской культуры городское пространство и война понимались в качестве взаимоисключающих феноменов. В противоположность «естественному состоянию», характеризующему образ жизни охотников и собирателей, или открытому пространству степи кочевых орд, городское пространство представляло собой сферу, где господствуют мирные отношения. Оппозиция между такими категориями, как защита, порядок и мир в городе, с одной стороны, и война и разрушения за его стенами, с другой стороны, является доминантной в западноевропейском дискурсе города [35, S. 317]. Безусловно, потенциально любой современный город может оказаться эпицентром военных событий и включать в себя военную инфраструктуру, однако основные градообразующие и градообслуживающие функции все же связаны с осуществлением мирных видов деятельности [3]. В тех исторических и географических условиях, когда военные действия не выходили за рамки наземной территории, города-крепости, разбросанные в физическом пространстве и восполняющие его оборонительные «лакуны», представляли собой границы, препятствующие вторжению врага. Городское пространство проектировалось и выстраивалось не как территория для ведения войны, но как территория, призванная предоставить населению защиту от войны.

Вместе с тем, городское пространство не может быть свободным от военных рисков, даже

если оно не затронуто активными боевыми действиями, поскольку города «не являются самодостаточным политическим пространством» [2, с. 153]. В условиях современных войн с неизбежностью осуществляется ломка повседневного городского хронотона – вследствие разрушительных вражеских ударов, по причине оккупации или необходимости реорганизации промышленности в тылу.

Вовлечение городского пространства в орбиту военных действий обусловлено целым рядом факторов. Города (в современных условиях, мегаполисы) являются центрами политической, экономической и культурной жизни государства. Захват столиц и крупных населенных пунктов, имеющих важное промышленное и транспортно-географическое значение – важная стратегическая задача, решаемая военным руководством.

Война нуждается в экономических ресурсах – город, в силу своего человеческого и научно-производственного потенциала, поставляет эти ресурсы (производство оружия и обмундирования для военнослужащих). Гибридный характер современных войн предполагает использование не только военной техники, но и «мягких» способов и средств ведения войны (информационные ресурсы, кибероружие, средства массовой агитации), разработка которых также ведется в городах. Таким образом, город даже в мирное время полностью не может быть изолирован от целей и задач войны. Пространство обороняемого города включается в военную топологию, конструируемую либо из стратегической перспективы противника, либо из оборонительной перспективы, выстраиваемой политическим руководством государства.

По свидетельству М. ван Кревельда, начиная с последней трети II тысячелетия до нашей эры «на протяжении приблизительно трех тысяч лет вооруженный конфликт мог принимать одну из двух форм – либо полевые сражения, либо осады городов» [20, с. 114]. Однако даже в первом случае, когда на поле боя происходило столкновение комбатантов двух враждующих армий, города не были полностью защищены от угроз и рисков, сопряженных с войной. Укрепленные городские стены служили укрытием гражданскому населению страны, которое, потревоженное войной, находило пристанище в крепостях и замках, укрывая от врага то имущество, которое по силам было унести. В случае успешной осады города

могли подвергаться разграблению, что служило средством устрашения других, более грозных и непримиримых соперников, которые всеми силами стремились исключить угрозу капитуляции. Кроме того, предоставляя своим солдатам возможность разграбить покоренный вражеский город, полководец мог, таким образом, поощрить их за хорошую службу (примером чего служит история Коринфа, разграбленного и полностью разрушенного римлянами в 146 году до н.э.). Тем не менее, далеко не все военачальники были сторонниками практики разграбления покоренных городов: это могло бы привести к подрыву их репутации (в особенности, если осаде подвергались города, хранившие в своих стенах святыни), а также к временной утрате контроля над действиями собственной армии [20, с. 115-116]. Подчеркивая значение успешной осады города, Ю. Шефран отмечает: «Завоевание укрепленных городов часто было связано с чрезмерными расходами, могло длиться годами, его исход также решался благодаря наличию жизненно важных ресурсов. В некоторых случаях завоевание или разрушение столицы означало конец империи (как в случае с Карфагеном), однако, оно не всегда было решающим для исхода войны (как в случае завоевания Москвы Наполеоном, предваряющим его поражение)» [36, S. 6].

Топологическая модель *осадного города* характеризуется четким разделением городского пространства на внутреннее и внешнее. Особую значимость приобретает феномен границы, которая опоясывает город по принципу кольца. Если речь идет об осаде крепости, то граница получает физическое, материальное воплощение: разнообразные укрепления (крепостные стены, валы, рвы) опоясывают город, затрудняя доступ врагу. В том случае, если осаде подвергается город, не имеющий постоянных пограничных укреплений, граница устанавливается на время осады и воплощается в форме фортификационных сооружений различного рода. Если в мирное время городское пространство отличается гибкой и пористой структурой, позволяющей взаимодействовать с *иным* (как элементами физического пространства, так и ценностями и смыслами, порождаемыми иными культурами) и органично ассимилировать его, то в осаждаемом городе, опоясанном жесткой границей, иное становится чужим и отторгается. Пространство для населения, укрывшегося за городскими укреплениями, четко разделено по принципу «свое-чужое». «Свое»

находится внутри очерченной границей сферы или ряда концентрических сфер, оно требует защиты и охраны. «Чужое» пространство, локализованное за границей, приобретает символическое значение, ассоциируясь с внешней, в каком-то смысле потусторонней, хтонической, демонической, темной силой, которая угрожает внутреннему порядку. В данной связи можно провести аналогию с древним архетипом защитного круга, который очерчивался для защиты от сил зла. (Подчеркнем, что городские укрепления не обязательно имеют геометрическую форму круга. Речь идет о символическом круге, понимаемом в соответствии с древними традициями как охранительный пояс, защита от бедствий, исходящих от внешних по отношению к городу факторов [15, с. 167-168].) Враг стремится осуществить трансгрессию границ, его цель – прорвать защитный круг, проникнуть внутрь города и захватить либо уничтожить его.

Таким образом, в осаждаемом городе отношения внешнего и внутреннего подвергаются существенным семиотическим трансформациям. В мирное время внешнее пространство выступает в качестве неотъемлемого элемента, взаимодействующего с городской топологией и служащего источником необходимых для полноценной жизни города компонентов: природных и трудовых ресурсов, информационных потоков. Мирный город – это открытая полидискурсивная система, находящаяся в состоянии перманентного взаимодействия с внешней средой, «сплав зачастую рассогласованных процессов и социальной гетерогенности», место «для импровизаций и смещений» [1, с. 210, 212]. В условиях осады утрачивается открытость города по отношению к иным пространственным и временным элементам, или, в терминологии В. Беньямина, его транзитивность [1, с. 212]. Пространство за границей осаждаемого города означает исключительно как враждебное, несущее опасность, смерть и разрушения. Каналы взаимодействия осадного города с внешним миром перекрываются либо реализуются подпольно, с риском для жизни, обходными путями (подкопы и т.п.). Будучи изначально открытой системой, осажденный город, вынужденный существовать в противоестественном для себя закрытом режиме, начинает разрушаться изнутри. Деструктивным фактором в ситуации осады становится *время*: чем дольше не снимается осада, тем меньше у города шансов на выживание. Следовательно, если

враг не обладает необходимой технической мощностью для прорыва оборонительных сооружений и проникновения внутрь, он может избрать тактику выжидания. Тогда город либо вынужден капитулировать (сам разомкнет границы), либо (если собственная армия не в состоянии обеспечить снятие осады) он обречен на гибель от внутренних разрушающих факторов (голод, болезни, моральная дезориентация жителей и т.д.).

В современную эпоху городские стены и укрепления, какими бы мощными они ни были, не способны послужить надежной защитой от вторжения врага: эволюция технизированной войны привела не только к более эффективному использованию ресурсов сухопутного пространства, но и перешагнула его рамки, активно вовлекая в свою стихию новые пространственные сферы – в первой половине XX века такой сферой стало воздушное пространство. Во время Второй мировой войны была апробирована новая тактика ведения войны – тактика блицкрига («молниеносной войны»), в ходе которой высокоскоростное проникновение гитлеровских войск в глубь территории противника было обусловлено взаимодействием бронетанковых и авиационных соединений. Как указывает М. Деланда, «в Германии самолеты с самого начала проектировались для того, чтобы обеспечить наземные силы поддержкой с воздуха... большинство немецких танков и самолетов, в противоположность таковым Союзников, начали оснащаться двусторонними устройствами радиосвязи. То есть с самого начала они задумывались в качестве элемента сети вооружений, связанной воедино беспроводной нервной системой» [10, с. 117]. Активное участие в войнах XX в. моторизированной техники и авиации девальвировало значимость наземных городских укреплений и обнаружило хрупкий характер городского пространства и уязвимость мирного городского населения, пострадавшего от войн и вооруженного насилия.

Современная война эволюционирует в сторону радикальной трансформации своих пространственно-временных характеристик, приобретая тотальный характер [20; 29]. Начиная со второй половины XX в. в орбиту военной деятельности стало вовлекаться космическое пространство. Размываются некогда устойчивые границы между фронтом и тылом, комбатантами и гражданским населением [4; 5]. Названные изменения не могут не затрагивать и жизнь современного

города. С появлением ядерного оружия существование любого объекта на территории Земли подвержено риску уничтожения – особенно привлекательны в стратегическом плане мегаполисы, являющиеся центрами власти и средоточием человеческих ресурсов.

Техническое развитие человечества привело к значительному увеличению числа городского населения на планете и «сжатию» расстояний между отдельными городами (так, благодаря развитой транспортной инфраструктуре и средствам массовой коммуникации житель одного мегаполиса не только в социальном пространстве, но и в физическом, связан более тесными контактами, скорее, с жителем другого мегаполиса, нежели, с сельчанином). Вместе с тем, развитие техники и технологий повлекло за собой затруднения, связанные с обеспечением безопасности городских жителей. Технизированная война превращает город в место массовой гибели его жителей («урбцида»): «Такие города, как Герника и Ковентри, Дрезден и Гамбург, Сталинград и Токио, наконец, Хиросима и Нагасаки стали символами ужесточения военных действий. Во время холодной войны крупные города со стороны обоих блоков были внесены в списки как объекты, подлежащие уничтожению с применением оружия массового поражения» [36, S. 6].

Таким образом, эксплицированную выше топологическую модель осадного города следует дополнить рядом моделей городского пространства, порожденных новыми технизированными войнами.

Особую топологическую структуру приобретает *город, подвергающийся авиабомбардировке*. Угроза для его жителей исходит не внешнего, отграниченного от городской территории, пространства, как в осаждаемом городе. Выстраивается вертикальная топологическая структура: источником угроз становится воздушное пространство. Таким образом, пространство города предстает как трехмерная структура, а не плоскость, которую можно оградить с помощью наземных укреплений. Оборонительные сооружения, рассчитанные на сдерживание наземных атак, утрачивают свою значимость. Соответственно, цель воздушных атак – не прорыв горизонтальных строго фиксированных городских границ, но преодоление границ вертикальных, приводящее к разрушению стратегически значимых объектов городского пространства.

Особое значение при бомбардировке города приобретает вертикальное членение пространства: жители спасаются от налетов вражеской авиации, скрываясь в бомбоубежищах, бункерах, имеющих структуру вертикальных туннелей, на несколько километров уходящих под землю. Значимость получает оппозиция двух топосов: наземно-воздушного и подземного пространств.

Авиабомбардировки приводят не только к уничтожению промышленных предприятий и городской инфраструктуры, но к массовым жертвам среди гражданского населения, разрушению исторических и архитектурных памятников, в предельном случае их результатом является превращение всего городского пространства в руины. При этом уничтожение мирного населения, а также целостного культурного и социального пространства города отнюдь не всегда относится к так называемому «сопутствующему ущербу», вызванному авиационными атаками. Оно может являться как средством устрашения непримиримых противников, так и самостоятельной целью вражеских атак. Сошлемся на доктрину бомбовой войны, разработанную во время Первой мировой войны британским маршалом авиации Х. Тренчардом, которая санкционировала создание искусственным путем катастрофы, сопоставимой с тяжелейшими природными катаклизмами. Согласно указанной доктрине, целями бомбовых ударов должны стать жилые районы городов противника, «поскольку промышленный рабочий является таким же участником боевых действий, как и солдат на фронте» [23, с. 23].

Воздушная война, активно набиравшая обороты в XX столетии, последовательно вовлекала в свою орбиту такие города, как Герника, Ковентри, Лондон, Сталинград, Гамбург, Дрезден. Особой вехой в новейшей истории стала ковровая бомбардировка Дрездена 13-15 февраля 1945 года, в ходе которой англо-американскими союзниками была применена технология «огненного смерча». В исследовании Н.П. Пархитко моделируется ситуация уничтожения города, сравнимого с Дрезденом, с применением фугасных и зажигательных авиабомб. Как обосновывает автор, использование для массового уничтожения городского населения зажигательных боеприпасов превращает городские дома с деревянными балками в огромные каминны, а сам город – в гигантскую «печь», которая активно поглощает кислород в радиусе 500-1000 м. Таким образом, даже наличие широкой и развитой сети подземных

бомбоубежищ, из которых гигантский пожар также поглощает кислород, не гарантирует жителям надежной защиты от последствий авиабомбардировок [23, с. 23].

Тем не менее, вертикальная топологическая структура, учитывающая возможность использования подземного городского пространства, сохраняет свою значимость как для мирного, так и для военного режимов существования города. Особенно активно тема подземных городов развивается в современном кинематографе и художественной литературе. Так, в фантастической литературе, представляющей проекты возможных войн будущего, нередко встречаются описания целых подземных городов (к примеру, в повестях К. Булычева «Город Наверху» и «Нужна свободная планета»). Один из вариантов моделирования постапокалиптических сценариев развития человечества предполагает перемещение города со всеми жителями и инфраструктурой в подземное пространство, ресурсный потенциал которого начинает использоваться в полной мере. Характеризуя топологическую модель города, подвергающегося воздушным атакам, в целом, отметим, что она представлена доминированием вертикальной структуры пространства и повышенной значимостью оппозиции наземного и подземного пространств.

Следующей выделенной нами топологической моделью военного города является *город, на территории которого идут боевые действия*.

В условиях затяжной осады города или позиционной войны между враждующими сторонами существует граница (в первом случае ею служат надежные оборонительные сооружения, защищающие внутреннее пространство города от посягательств со стороны врага, во втором случае противоборствующих комбатантов разделяет нейтральная полоса). В ситуации городской войны и свои и чужие сражаются в одном пространстве, которое, в принципе, малоприспособлено для ведения войны. Специфика городского ландшафта плохо приспособлена для ведения наземных боевых действий с использованием моторизованной техники и дальнобойной артиллерии (впрочем, и применение авиации для уничтожения городских объектов также не всегда эффективно: «Среди городских развалин, дыма и пыли экипажам самолетов и вертолетов довольно сложно отыскать малоразмерные цели и поражать их бортовым оружием» [17, с. 21]). Таким образом, городское пространство в значительной

степени способствует увеличению количества трений на войне (термин К. фон Клаузевица) – препятствий, затрудняющих ведение боя. Анализируя особенности уличного боя, Е.Э. Месснер выявляет две наиболее опасные для ведущих его войск трудности. Во-первых, будучи скованными лабиринтами городских улиц, войска не могут применить отработанные навыки ведения боя и в полной мере использовать мощь дальнобойного оружия. Во-вторых, в сложной топологии города невозможно четкое проведение границы между врагом и представителями гражданского населения – происходит смешение своего и чужого, комбатантов и некомбатантов [28]. Враг, далеко не всегда доступный для наблюдения, приобретает черты анонимности. Солдаты неприятельской армии при обороне города могут переодеваться в гражданскую одежду, выдавая себя за мирных жителей (у последних не всегда есть возможность эвакуироваться) и тем самым затрудняя освободителям выполнение боевых задач [16, с. 146]. Таким образом, война, ведущаяся в городских условиях, отличается особой непредсказуемостью, безжалостностью по отношению к некомбатантам и выходит за рамки критериев, предъявляемых к справедливой войне. Как отмечает Е.Э. Месснер, «на войне обстреливают города, где засел противник, не заботясь о сохранении жизни жителей этих городов» [28].

Во время военных действий город становится полем сражения, в котором возводятся специальные боевые укрепления (баррикады). При этом сохраняются городские постройки, которые, будучи специальным образом подготовленными, также служат боевыми укреплениями. В условиях ведения боевых действий происходит радикальная трансформация и десемантизация городской среды. Жилые дома, школы и храмы, улицы и парки утрачивают свои повседневные функции – городской ландшафт преобразуется и декодируется в соответствии с целями войны. Гражданские постройки могут становиться не только оборонительными сооружениями, но и военными складами, казармами и госпиталями, боевыми постами, наблюдательными пунктами. На крыше многоэтажного дома, к примеру, может расположиться снайпер. Из окон опустевших жилых домов ведется обстрел позиций противника. Таким образом, существенно трансформируется физическое пространство города (в особенности, если город предварительно был подвергнут

массивным авиабомбардировкам, как Сталинград). Изменения происходят также и в символической плоскости. В топологии затронутого военными действиями города особую роль играет процесс семиотической трансформации – смены привычных значений и конвенциональной символики элементов городского пространства.

Процесс трансформации семиотического кода города особенно наглядно проявляется в условиях вражеской оккупации. Для жителей *оккупированного города* любое сопротивление жесткому дисциплинарному режиму и неприятие новых политических реалий губительно: «Для многих оказавшихся «под немцами» советских граждан это была первая и последняя в жизни встреча с «заграницей», которая сама пришла на их землю» [12, с. 128]. Открытое насилие, которое само по себе является маркером слабости и неэффективности власти [18, с. 17-19], сопровождается использованием инструментов «мягкой силы», к которым, прежде всего, относятся ресурсы массовой культуры – плакаты, кинофильмы, музыка, коллаборационистские газеты, агитационные листовки.

Топологическая модель оккупированного города обнаруживает не только политическое и экономическое, но и символическое значение захвата города и его последующего переименования. В мирное время городская топонимика кумулирует исторически значимые смыслы и героические нарративы, цементирующие единство общества. Соответственно, топонимика оккупированного города подчинена цели установления нового дискурса власти, полностью устраняющего прежние ценности и политические ориентиры и возводящего новые героические культы. Вторая мировая война являет примеры радикальной трансформации символического пространства городов, находящихся под оккупацией: «Переименования становились неотъемлемой частью политики Третьего рейха. <...> Во время Нюрнбергского процесса ... бывший министр по делам оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг подтвердил, что планировалось переименовать Симферополь в Готенбург, Севастополь – в Теодорихсгафен. В Киеве были переименованы известные улицы: Крещатик стал называться фон Эйхгорнштрассе, бульвар Шевченко – Ровноверштрассе, ул. Кирова – ул. Доктора Тодта, появились улицы Гитлера, Геринга,

Муссолини. В центре Одессы и Риги появились улицы Адольфа Гитлера» [9, с. 114, 117].

В мирное время городское пространство полидискурсивно и полиперспективно – оно является собой многомерный и многоуровневый комплекс, интегрирующий множество элементов и перспектив, предполагающий возможность активного диалога между своим и чужим, внутренним и внешним. Свое и чужое перекрещиваются, переплетаются, будучи представленными в различных топосах городского пространства – на афишах кинотеатров и концертных залов, в названиях городских улиц и площадей, даже в именах городских жителей. В условиях оккупации чужое насильственным образом ассимилирует и подавляет свое, а социокультурное пространство города сжимается, утрачивая возможность к производству собственного семиотического кода. Происходит не просто смещение центра семиозиса, но его резкая и радикальная замена. Утверждается новый дискурс власти, проникающий в мельчайшие поры городской повседневности. В оккупированном городе происходит утрата полиперспективности – отныне городское пространство является средством трансляции одной перспективы. (Война в принципе стремится к установлению единого центра власти и исключению полиперспективности.)

Показательно, что оккупационная политика не предполагает неопременного уничтожения занятого города: захватчики пришли не только сеять смерть и жестоко карать несогласных, но и реализовывать установку на «завоевание сердец и умов», предотвращая возникновение очагов мести и сопротивления среди гражданского населения. Так, в работе американских военных теоретиков У. Линда и Г. Тиле «Руководство по ведению войны четвертого поколения» моделируется сценарий контрпартизанских действий в оккупированном городе, предполагающий тесное взаимодействие с городским населением, основанное на уважении к местным традициям и религиозным ценностям: «Никаких укрепленных

резерваций. Мы будем жить в городах. Мы квартируемся с людьми, будем им хорошо платить за жилища, которые мы займем. Мы будем делать покупки на местных рынках, пить кофе в местных кафе. <...> Не дать им ненавидеть нас так, что они захотят бороться с нами, часто будет самым лучшим, что мы можем сделать» [22, с. 22, 33-34]. Оккупационным властям важно не допустить возникновения хаоса и непредсказуемости, которые могут исходить от городских жителей. В том же случае, когда воля к сопротивлению не может быть сломлена никакими способами (ни инструментами «мягкой силы», ни грубым физическим насилием), оккупантам приходится прибегать к радикальному способу расправы с непокорными горожанами – полному разрушению захваченного города, приведению его к полному физическому и символическому небытию.

Выводы. Таким образом, в настоящей статье были рассмотрены трансформации городского пространства, затронутого военными действиями, а также выявлен ряд топологических моделей военного города. В условиях войны город утрачивает черты открытости, полидискурсивности и трансграничности, присущие ему в мирное время. Вместе с тем, встраивание в военный ландшафт даже тех элементов городского пространства, которые были изначально спроектированы для мирных целей, свидетельствует об обширном ресурсном потенциале этого пространства. В свете тех изменений, которые претерпели современные войны, став по сути тотальными, важно подчеркнуть, что городское пространство не может быть изолированным от внешних вызовов и угроз – оно прямым или косвенным образом связано с феноменом войны. В качестве перспективных задач, стоящих перед военной урбанистикой и целым рядом социально-гуманитарных наук, отметим необходимость дальнейшей разработки выявленных в настоящем исследовании моделей, а также анализа степени вовлеченности городского пространства в гибридные войны современности.

1. Амин, Э., Трифт, Н. Внятность повседневного города // Логос. – 2002. – № 3-4 (34). – С. 209-233.
2. Амин, Э., Трифт, Н. Города: переосмысляя городское. – Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. – 224 с.
3. Архипова, Л.С. Изменение функций и роли крупных городов в экономике Центральной России // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2014. – № 1-1. – С. 152-161.
4. Балаклеец, Н.А. Война и государство в современную эпоху // Социодинамика. – 2019. – № 12. – С. 103-110. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31227. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_31227.html
5. Балаклеец, Н. А. Пространственный аспект современных войн: от традиционной войны к кибервойне // Социодинамика. – 2021. – № 4. – С. 136-149. – DOI 10.25136/2409-7144.2021.4.32652.

6. Бурлина, Е. Я. Гуманитарные исследования и гранты самарских ученых. «Маятник» провинциального города // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2014. – Т. 16. – № 2-3. – С. 534-538.
7. Бурлина, Е. Я. Хронотоп – семиотика и будущее города // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2020. – Т. 22. – № 74. – С. 77-84. – DOI 10.37313/2413-9645-2020-22-74-77-84.
8. Воронкова, И. Ю. Минск: Лето 1941, лето 1944. – Минск: Белорусская наука, 2014. – 355 с.
9. Дацишина, М. В. Топонимия как составная часть политики Германии на временно оккупированных советских территориях // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – № 1. – С. 113-135.
10. Деланда, М. Война в эпоху разумных машин. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый; Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 338 с.
11. Джей, У., Николаи, Ф. В. Места памяти и тени войны // Вестник Мининского университета. – 2016. – № 1-2(14). – С. 9.
12. Зверева, С.Г. Жизнь и музыка в оккупированном Смоленске и некоторых других советских городах в годы Великой Отечественной войны // Искусство музыки: теория и история. – 2016. – № 14. – С. 113-182.
13. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь // Логос: журнал по философии и прагматике культуры. – 2002. – № 3-4. – С. 23-34.
14. Зукин, Ш. Культуры городов. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 424 с.
15. Иванов, Вяч. Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 165-179.
16. Исаев, А. В. Особенности ведения частями Красной Армии боев в городских условиях // Военная мысль. – 2021. – № 5. – С. 141-148.
17. Киселев, В., Воробьев, И. Специфика уличных боев в городе // Армейский сборник. – 2013. – № 3. – С. 21-24.
18. Кожев, А. Понятие власти. – М.: Праксис, 2006. – 192 с.
19. Красноженова, Е. Е., Кулик, С. В. Сталинград в период немецко-фашистской оккупации (июль 1942 – февраль 1943 г.) // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8. – № 4. – С. 841-853.
20. Кревельд, М. ван. Трансформация войны. – М.: ИРИСЭН, Социум, 2015. – 320 с.
21. Лефевр, А. Производство пространства. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.
22. Линд, У., Тиле, Г. Руководство по ведению войны четвертого поколения [Электронный ресурс] URL: <http://www.lander.odessa.ua/doc/lind-rukovodstvo-po-vedeniyu-voyny-chetvertogo-pokoleniya.pdf> (дата обращения: 18.08.2021).
23. Пархитко, Н. П. Бомбардировка Дрездена. Военная необходимость или акт устрашения? // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 21-26.
24. Стрельникова, А.В. «Места памяти» в городском пространстве // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2012. – № 2(82). – С. 231-238.
25. Трубина, Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 520 с.
26. Тынянова, О. Н. Российский приграничный город как объект и субъект информационной войны // Ценности и смыслы. – 2012. – № 1(17). – С. 64-82.
27. Фуко, М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 3. – С. 191-204.
28. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/science/0/pdf/messner_ea01.pdf (дата обращения: 11.08.2021).
29. Юнгер, Ф. Г. Совершенство техники // Совершенство техники. Машина и собственность. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 560 с.
30. Яницкий, О. Н. Глобализация. Город. Человек. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2018. – 177 с.
31. Яницкий, О. Н. Качественная модель осаждённого города: случай Алеппо (Сирия) // Социологическая наука и социальная практика. – 2017. – № 1, Том 5. – С. 129-144.
32. Яницкий, О. Н. Российские мегаполисы в условиях глобальных социально-экологических вызовов // Общественные науки и современность. – 2018. – № 1. – С. 5-16.
33. Davis, M. Dead Cities and Other Tales. – N.Y.: The New Press, 2002. – 288 p.
34. Graham, S. Belagerte Städte: Die Militarisierung des Urbanen // Erlanger Beiträge zur Kulturgeographie, 2013. – № 3. – S. 1-9.
35. Hüppauf, B. Die Stadt als imaginiertes Kriegsschauplatz // Zeitschrift für Germanistik. – 1995. – vol. 5, № 2. – S. 317-335.

36. Scheffran, J. Stadt – Land – Krieg: Unsicherheit in urbanen Gewaltträumen // Wissenschaft & Frieden, 2016. – № 2. – S. 6-10.

THE CITY AS A PLACE OF WAR: TOPOLOGICAL MODELS OF A WAR CITY

© 2021 N.A. Balakleets

*Natalya A. Balakleets, Candidate of Philosophical Sciences,
associate professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies*

E-mail: bnatalja@mail.ru

Samara State Medical University

Samara, Russia

This article examines the transformation of urban space in the context of war. Cities, designed as strongholds of security and order, throughout the history of mankind have been constantly involved in hostilities, serving as a tempting target for military strategists. It is substantiated that the urban space in the conditions of modern war, which has acquired a total character, cannot be free from military risks and threats. The article explicates and characterizes the topological models of military cities: the city under siege; the bombed city; the city on the territory of which the hostilities are taking place; the occupied city.

Key words: city, war, urban space, topological model, border, military urbanism

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-80-40-50

1. Amin, E., Trift, N. Vniatnost' povsednevnogo goroda (The intelligibility of the everyday city) // Logos. – 2002. – № 3-4 (34). – S. 209-233.
2. Amin E., Trift N. Goroda: pereosmysliaia gorodskoe (Cities: Reimagining the Urban). – Nizhnii Novgorod: Krasnaia lastochka, 2017. – 224 s.
3. Arkhipova, L. S. Izmenenie funktsii i roli krupnykh gorodov v ekonomike Tsentral'noi Rossii (Progress of function and role of big cities in the economy of central region of Russia) // Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki. – 2014. – № 1-1. – S. 152-161.
4. Balakleets, N. A. Voina i gosudarstvo v sovremennuiu epokhu (War and the state in modern era) // Sotsiodinamika. – 2019. – № 12. – S. 103-110. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31227. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_31227.html
5. Balakleets, N. A. Prostranstvennyi aspekt sovremennykh voyn: ot traditsionnoi voiny k kibervoine (Spatial aspect of modern warfare: from traditional warfare to cyberwar) // Sotsiodinamika. – 2021. – № 4. – S. 136-149. – DOI 10.25136/2409-7144.2021.4.32652.
6. Burlina, E. Ia. Gumanitarnye issledovaniia i granty samarskikh uchenykh. «Maiatnik» provintsial'nogo goroda (Human research and grants for Samara scientists. «The pendulum» for provincial town) // Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. – 2014. – T. 16. – № 2-3. – S. 534-538.
7. Burlina, E. Ia. Khronotop – semiotika i budushchee goroda (Urban chronotope – urban semiotics. Florence and Saint Petersburg) // Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, humanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2020. – T. 22. – № 74. – S. 77-84. – DOI 10.37313/2413-9645-2020-22-74-77-84.
8. Voronkova, I. Iu. Minsk: Leto 1941, leto 1944 (Minsk: Summer 1941, summer 1944). – Minsk: Belorusskaia nauka, 2014. – 355 s.
9. Datsishina, M. V. Toponimiia kak sostavnaia chast' politiki Germanii na vremenne okkupirovannykh sovetskikh territoriiakh (Place renaming and German policy-making in temporarily occupied Soviet territories) // Voprosy onomastiki. – 2020. – T. 17. – № 1. – S. 113-135.
10. Delanda, M. Voina v epokhu razumnykh mashin (War in the Age of Intelligent Machines). – Ekaterinburg; Moskva: Kabinetnyi uchenyi; Moskva: Institut obshchegumanitarnykh issledovani, 2014. – 338 s.
11. Dzhei, U., Nikolai, F. V. Mesta pamiati i teni voiny (Places of memory and the shadow of war) // Vestnik Mininskogo universiteta. – 2016. – № 1-2(14). – S. 9.
12. Zvereva, S. G. Zhizn' i muzyka v okkupirovannom Smolenske i nekotorykh drugikh sovetskikh gorodakh v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (Life and music in occupied Smolensk and in some other cities of the Soviet Union during the Great Patriotic War) // Iskusstvo muzyki: teoriia i istoriia. – 2016. – № 14. – S. 113-182.
13. Zimmel', G. Bol'shie goroda i dukhovnaia zhizn' (The Metropolis and Mental Life) // Logos: zhurnal po filosofii i pragmatike kul'tury. – 2002. – № 3-4. – S. 23-34.
14. Zukin, Sh. Kul'tury gorodov (The Cultures of Cities). – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. – 424 s.

15. Ivanov, Viach. Vs. K semioticheskomu izucheniiu kul'turnoi istorii bol'shogo goroda (On semiotic research of the cultural history of a big city) // *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury*. T. 4: *Znakovye sistemy kul'tury, iskusstva i nauki*. – M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007. – S. 165-179.
16. Isaev, A. V. Osobennosti vedeniia chastiami Krasnoi Armii boev v gorodskikh usloviakh (The distinctive features of urban fighting by Red Army units in Germany in 1945) // *Voennaia mysl'*. – 2021. – № 5. – S. 141-148.
17. Kiselev, V., Vorob'ev, I. Spetsifika ulichnykh boev v gorode (The specifics of city street fighting) // *Armeiskii sbornik*. – 2013. – № 3. – S. 21-24.
18. Kozhev, A. Poniatie vlasti (The Notion of Authority). – M.: Praksis, 2006. – 192 s.
19. Krasnozhenova, E. E., Kulik, S. V. Stalingrad v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii (iiul' 1942 – fevral' 1943 g.) (Stalingrad during the German-fascist occupation (July 1942 - February 1943)) // *Noveishaia istoriia Rossii*. – 2018. – T. 8. – № 4. – S. 841-853.
20. Kreveld, M. van. Transformatsiia voiny (The Transformation of War). – M.: IRISEN, Sotsium, 2015. – 320 s.
21. Lefevr, A. Proizvodstvo prostranstva (The Production of Space). – M.: Strelka Press, 2015. – 432 s.
22. Lind, U., Tile, G. Rukovodstvo po vedeniiu voiny chetvertogo pokoleniia (4th Generation Warfare) [Elektronnyi resurs] URL: <http://www.lander.odessa.ua/doc/lind-rukovodstvo-po-vedeniyu-voyny-chetvertogo-pokoleniya.pdf> (data obrashcheniia: 18.08.2021)
23. Parkhit'ko, N. P. Bombardirovka Drezdena. Voennaia neobkhodimost' ili akt ustrasheniia? (Dresden airstrike. Military inevitable or just act of intimidation?) // *Sovremennaia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Seriya: *Gumanitarnye nauki*. – 2018. – № 1. – S. 21-26.
24. Strel'nikova, A. V. «Mesta pamiati» v gorodskom prostranstve («Sites of memory» in urban space) // *Vestnik RGGU*. Seriya: *Filosofiiia. Sotsiologiiia. Iskusstvovedenie*. – 2012. – № 2(82). – S. 231-238.
25. Trubina, E. G. Gorod v teorii: opyty osmysleniia prostranstva (The city in theory: experiments on the comprehension of space). – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. – 520 s.
26. Tynianova, O. N. Rossiiskii prigranichnyi gorod kak ob"ekt i sub"ekt informatsionnoi voiny (Russian border city as object and subject of the information war) // *Tsenosti i smysly*. – 2012. – № 1(17). – S. 64-82.
27. Fuko, M. Drugie prostranstva (Other spaces) // *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniia i interv'iu*. – M.: Praksis, 2006. – Ch. 3. – S. 191-204.
28. Khochesh' mira, pobedi miatezhevoinu! Tvorcheskoe nasledie E.E. Messnera (Want peace? Defeat the mutiny-war: the creative heritage of E.E. Messner) [Elektronnyi resurs] URL: http://militera.lib.ru/science/0/pdf/messner_ea01.pdf (data obrashcheniia: 11.08.2021).
29. Junger, F. G. Sovershenstvo tekhniki (The perfection of technique) // *Sovershenstvo tekhniki. Mashina i sobstvennost'*. – SPb.: Vladimir Dal', 2002. – 560 s.
30. Ianitskii, O. N. Globalizatsiia. Gorod. Chelovek (Globalization. City. Human being). – Moskva: Federal'nyi nauchno-issledovatel'skii sotsiologicheskii tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 2018. – 177 s.
31. Ianitskii, O. N. Kachestvennaia model' osazhdennogo goroda: sluchai Aleppo (Siriia) (A qualitative model of the besieged city: the case of Aleppo (Syria)) // *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*. – 2017. – № 1, Tom 5. – S. 129-144.
32. Ianitskii, O. N. Rossiiskie megapolisy v usloviakh global'nykh sotsial'no-ekologicheskikh vyzovov (Socio-ecological challenges to Russian megalopolises) // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. – 2018. – № 1. – S. 5-16.
33. Davis, M. *Dead Cities and Other Tales*. – N.Y.: The New Press, 2002. – 288 p.
34. Graham, S. *Belagerte Städte: Die Militarisierung des Urbanen (Besieged Cities: The Militarization of the Urban)* // *Erlanger Beiträge zur Kulturgeographie*, 2013. – № 3. – S. 1-9.
35. Hüppauf, B. Die Stadt als imaginiertes Kriegsschauplatz (The city as an imagined theater of war) // *Zeitschrift für Germanistik*. – 1995. – vol. 5, № 2. – S. 317-335.
36. Scheffran, J. Stadt – Land – Krieg: Unsicherheit in urbanen Gewaltträumen (City – Country – War: Uncertainty in Urban Spaces of Violence) // *Wissenschaft & Frieden*, 2016. – № 2. – S. 6-10.